

Друг - это не тот, кто тебе постоянно звонит, а тот, кому хочется позвонить первым.

М.М. Жванецкий (не дословно)

С Игорем мы дружим уже, представьте, сорок пять лет. Познакомились в первом классе, и вот позади уже целая вечность. Надеюсь, что впереди тоже. Вечность.

Что такое дружба? Наверное, у каждого своё представление и определение, которое к тому же меняется с возрастом. Просто когда у него родился ребёнок, я был четвёртым, кто об этом узнал. После самой родильницы (его жены), отца ребёнка (надеюсь, самого Игоря) и их родителей с обеих сторон. Когда умер его папа, он позвонил мне. Помолчать. Он помнит все дни рождения и годовщины памятных дат, звонит на день рождения сына его (моей) маме и поздравляет её тоже. Здорово? Может, это и есть дружба?

Игорь живёт в Израиле. Он туда приехал сам и привёз (так... приготовьтесь), кроме своего тела и собственной дочери, ещё и её маму - свою русскую жену, и её немолодую нееврейскую маму, выданную фиктивно замуж за его папу - аида преклонных годов, чтобы вывезти всех, кого надо было вывезти, и взять с собой. Поняли? Сразу? Или через пять секунд?

Мы видимся реже, чем хотелось бы, но мне кажется, думаем друг о друге гораздо чаще. Когда хорошо и когда плохо. Знаете, так бывает: когда плохо, начинаешь вспоминать о ком-то хорошем. Именно о ком-то. Хорошем.

Ещё есть Сеня. В Лейпциге. И дружим мы уже почти двадцать лет. Нам так хорошо бывает вместе, что даже жёны не мешают. Они нам вообще не мешают. Почти. Мне хорошо с ним и выпить, и закусить, покурить и поговорить на кухне, и просто помолчать. У нас очень различные взгляды на жизнь, но мы никогда не спорим. У нас разная степень интеллигентности, начитанности и уровень интеллекта, и явно не в мою пользу, но нам интересно говорить на любые темы. И слушать друг друга. Он из Ленинграда, я из Запорожья, но он без столичного снобизма, а я без комплекса провинциальной неполноценности. Он есть, и это хорошо - просто знать, что где-то рядом есть друг.

Они оба совсем не какие-то особенные, просто добрые, хорошие люди. Обычные мужчины, прожившие всю жизнь с одной женщиной. Мужчины, для которых семья, родители, дети - всегда было самым важным.

И всё. Больше нет. Настоящих нет. Может не заслужил, а может Б-г не дал. Раньше думал, это плохо. В смысле, плохо что мало. А сейчас думаю, что... тоже плохо что мало. А может и нет. Я вообще не знаю, сколько должно быть друзей. Один-два настоящих или много полунастоящих друзей-приятелей. Мне кажется, настоящих, проверенных временем, не должно быть много.

А может, с друзьями бывает как с женщинами: кто-то шёл рядом какое-то время, с кем-то без сожаления расстался, о ком-то помнишь всю жизнь. Хотя...

И вот одна симпатичная история в тему. У нас давно, ещё в той жизни, были хорошие приятели Света и Петя. Настолько хорошие, что когда я им таки красиво родил чудную симпатичную девчонку, предложили быть её крёстным.

- Каким крёстным?! Побойтесь вашего Б-га, я же еврей! - я законно засомневался в своей компетентности в религиозных вопросах.

- Ну какой ты еврей? Ты же даже, наверное, не обрезанный, - резонно предположила Света.

- Это..., ну... - засмутился я.

- Значит, не обрезанный. Так что будешь крёстным!

Света была женщина не очень образованная, но мудрая.

Так вот она утверждала, что если каждые выходные у тебя дома нет гостей, значит у тебя нет и друзей. А потому в её хлебосольном доме каждые субботу-воскресенье были большие приёмы. И всех приглашённых она искренне считала своими настоящими друзьями. То есть — полгорода.

Но... я отвлёкся.

А вот тех хороших, кто не друг - их куда?

Поэтому я их пытаюсь подразделять - исключительно для себя - на тех, кого хочется обнять, и тех, кому хотелось бы поклониться и сказать спасибо.

Когда-то в одной из телевизионных передач проходим на улицах городов предлагали задать любой вопрос Жванецкому. И я подумал: а что бы хотел спросить у него сам. И вдруг возникло ощущение, что я не хочу ничего спрашивать, мне хочется его просто обнять. И сказать: «Спасибо, дорогой». Что такой умный, что близкий по духу и габаритам тела, что хочется заразиться твоей добротой, юмором, обаянием и мудростью.

И таких много. Кого хочется обнять. Или пожалеть, что раньше не обнял. Например, папу. Раньше было неловко, а теперь жалею. Вот услышал сообщение об ушедшем Задорнове, захотелось и его. И Евтушенко. И Эльдара Рязанова. Сейчас подумалось, что обнять хочется всё больше ушедших.

А вы задумывались когда-нибудь, сколько есть людей, кому вам хотелось бы поклониться? И обнять, и поблагодарить. У меня таких, наверное, полстраны. К сожалению, **той** полстраны. Например, первой учительнице Марии Афанасьевне, простой сельской женщине, для которой мы все были действительно собственными детьми, - за привитую ею доброту; учителю физики в физмат-спецшколе Всеволоду Исаевичу (или просто «Севе»), который никому не ставил плохих оценок, говоря, что нерадивым двойки поставит сама жизнь; директору школы в Хабаровске, который верил, что взрослым детям не надо запрещать ничего, что не противоречит закону и человеческой порядочности.

Они - мои первые университеты.

Хочется, до слёз, сказать что-то доброе очень многим людям. Может, хоть таким образом.

И вот ещё одна симпатичная история из жизни в тему.

Жил-был Наум Абрамович Зайцев. Такое бывает, не смейтесь. Тихий, скромный, маленький, но очень хороший и добрый человек, к тому же, на минуточку, участник Парада Победы на Красной Площади в сорок пятом. И его жена - тётя Белла, приходившаяся мне скорее двоюродной бабушкой, чем тётей. Она была удивительной души женщина, размеры сердечности и доброты которой соответствовали её немаленькой пышной фигуре, пичковавшая юношу раз в неделю редкими тогда книгами и обедами.

Традиционно, каждую субботу, я приглашался к ним домой, где сначала подавали вкуснейший обед (тётя Белла была ещё та еврейская тётя - изумительная хозяйка и кулинар), а потом меня допускали в большую библиотеку, где позволялось выбрать понравившуюся книгу, но с обязательным обещанием рассказать через неделю о прочитанном.

Моя страсть к чтению - родом оттуда. Моё взросление и становление - тоже

отчасти из тех книг.

Однажды на обед подали нечто белое и плесневое с запахом.

- Попробуй, это такая редкость, - сказала тётя.

Я надкусил.

Что это..., что за... странный запах? - я не оправдывал ожиданий.

- Это, деточка, запах Запада! Загнивающего Запада! Но очень вкусного, - мечтательно произнесла она.

С тех пор я обожаю сыр Рокфор.

Среди тех, кому хочется поклониться и поблагодарить, есть ещё одна замечательная семья - тётя Лиза и дядя Сеня из Хабаровска. Если бы не они, кто знает - суждено ли мне было стать врачом. Добрейшие, умнейшие, интеллигентнейшие люди!

Сеню называли человеком, который может всё.

В качестве доказательства один эпизод. Когда они с дочерью Сонечкой каждый год приезжали «на материк», то есть на Украину-Россию, и останавливались у нас, то Сеня с утра уходил по магазинам и на рынок и возвращался оттуда с набором продуктов, не виданных даже на наших праздничных столах.

Как он это делал? Да очень просто! Просто шёл в центральный гастроном, направлялся напрямик к директору и в очень уважительной форме объяснял, что он - её коллега из далёкого Хабаровска и что попал в мучительно-неприятную историю, не имея возможности достойно питаться в гостеприимном, но плохо снабжаемом Запорожье. И что он надеется на «профессиональную» помощь с её стороны.

И уходил из гастронома всегда с набором деликатесов, которые он, конечно же, добросовестно оплачивал, а также с заверениями в вечной дружбе и надеждой на достойное продолжение знакомства на такой же гостеприимной дальневосточной земле.

Но тем не менее, главной в их семье была его жена Лиза - единственная женщина, на которую Сеня молился и которую боготворил. Если Вы меня, конечно, понимаете.

А ещё были днепропетровские тётя Лиза и дядя Миша. Типичная, до карикатурности, местечковая еврейская семья в хорошем смысле этого слова. Лиза весила больше, чем три Миши, говорила много и громко, отменно готовила и любила всех. Почти.

Дядя Миша, прошедший войну так, что пиджак с медалями за отвагу и орденами за мужество весил больше его самого, говорил мало, только когда разрешали, то есть почти никогда. Зато когда у меня возникли непредвиденные и от меня не зависящие сложности с переводом в Днепропетровский мединститут, он молча надел свой неподъёмный пиджак, почистил его (из-за редкого пользования) от пыли и пошёл к ректору мединститута - женщине, которую все за глаза называли «императрицей». За властность, крупные размеры и мужа - министра здравоохранения республики.

Дядя Миша ворвался, открыв двери её кабинета буквально ногой, на глазах у изумлённой челяди, сидевшей в приёмной. Такого многоэтажного и отборного мата и на таких высоких дядь-мишиных тонах, который доносился из её кабинета даже через двойную дверь, я не слышал больше никогда. Но через пару минут он вышел. Маленький, улыбающийся и смущённо притихший. А вслед за ним выскочила задыхающаяся громадная ректор и молча швырнула на стол

подписанное ею разрешение на мой перевод в институт.

Их уже никого нет в живых. Но память... Она нарушает сон маленькими трогательными воспоминаниями, как уколами, о том, скольким ещё хорошим людям хотелось бы сказать «Спасибо». Может, хотя бы таким образом.

Конечно, я не забыл ни мою маму, ни бабушку. Но это не просто те, кого хочется обнять и поблагодарить, хотя и это тоже. Они - это моя жизнь, моё всё, они - это сам я.

И о них обязательно когда-нибудь в следующий раз.

Когда дорасту.

Говорите единственному другу, как вы его любите. Обнимайте живых ещё родных и близких. Благодарите тех, с кем вам повезло в жизни соприкоснуться.

И помогайте кому-нибудь за просто так. Может, когда-нибудь, кто-то напишет пару добрых слов и о вас.

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш доктор Шаевич

Постскриптум. Не смог промолчать

Не люблю переборов. Во всех смыслах. Примеров уйма. Те же лекарства, которые становятся ядом при передозировке. Или народная мудрость про разбитый лоб у дурака, которого заставили Б-гу молиться. Не говоря уже об анекдоте про три волоса - в супе и на голове. Ну, и совсем уж классика - о взятках на мизере в преферансе.

Перебор для меня - это отсутствие такта, меры, интеллекта и... смелости. Перебор - это, например, когда «кто не скачет, тот... не наш». А если я порядочный человек, любящий свою страну, но не желающий «скакать», унижая других, тогда как?

Или те, кто на церемонии награждения массово одеваются в чёрное в знак протеста против мужского псевдонасилия по отношению к женщинам. Так и хочется спросить: «Господа, вы что все с ума посходили?».

Да, я об этой пресловутой голливудской акции осуждения мужских домогательств. Ну не идиоты ли! Да они же себе сами, как говорится в немецкой поговорке, выстрелили в ногу. Даже в обе. И теперь валяются убогие в собственной глупости.

В свете этого представляю Вашему вниманию новый сценарий «Ромео и Джульетты» в контексте сегодняшних реалий.

Герои выжили, встретились в Вероне, поняли, что любят безмерно, жить друг без друга не могут, и протянули руки к... телефонам, чтобы позвонить своим адвокатам. С целью составить договор о «намерениях» заняться любовью.

После трёхмесячного согласования (куда, как, сколько раз и по чьей инициативе) они, изнывающие от любви и страсти, оказываются в спальне. Но не одни, а с адвокатами и свидетелями с обеих сторон, обязанными контролировать «соблюдение сторонами условий договора». И там в тексте уже нет имён и

полов. Там есть «сексуальный партнёр номер 1» и «сексуальный партнёр номер 2».

И не дай Б-г, один поцелует другого без его письменного согласия - сразу в суд и на всенародное порицание. И не забыть одеться в чёрное в знак траура по нормальным отношениям между мужчиной и женщиной... Жили оно долго, но несчастливо.

Как Вам? Ну, не придурки ли?

Я смотрел на этих дежурно улыбающихся голливудских «суперменов», одетых во всё чёрное и наполненных тестостероном до кончиков ушей, и мне было жаль их, убогих. Этим здоровых мужиков, которые теперь не то что сальные шуточки, даже комплименты женщинам говорить будут бояться. Эти экранные герои наверняка были бы не прочь со всеми этими дамочками в чёрном... Но... Это уже, как: кто не скачет (в чёрном), тот насильник и извращенец.

И всё же эти милые дамы в чёрном полу-неглиже были так привлекательны и сексуальны, что сводило дух и тянуло нарушить табу, чтобы сказать что-нибудь приятное нам обоим.

Я не стану осуждающе говорить о насилии. Для этого есть здравый смысл и уголовный кодекс. Там всё написано. Но зачем же всё в кучу?! Наверняка акцию придумали не очень счастливые, обделённые вниманием женщины. Жаль. Их особенно, но и тех, других, которым теперь уже не договорят, которых не дообнимают, не долюбят.

Ещё не выношу слово «толерантность». Я против толерантности. Я в неё не верю. Не верю людям, которые кричат про толерантность на каждом углу и по каждому поводу.

Некоторые скажут: а как это может быть, что врач - и не толерантен. Господа, не путайте сострадание и профессионализм со вседозволенностью и попустительством.

Толерантность для меня - это глупость, помноженная на трусость и моральную продажность. И уж точно - жуткий перебор.

Мне не нравится, когда выпячивают. Не важно что. Сексуальные пристрастия или их отсутствие. Умность или неумность. Религиозность или атеизм. Силу или слабость. Доказывать самому себе и близким, недемонстративно проявлять - да Б-га ради. Но зачем это вешать на грудь, поднимать знамя и вперёд с криком «Ура!»?

И последнее. Хочется надеяться, что мир держится всё-таки на любви. А в ней без комплиментов и горящих глаз, без стихов и серенад под балконом, без нежных прикосновений и предложений зайти вечером на чашечку кофе - ну никак. Поверьте старому гинекологу.

И чтобы не было перебора в количестве написанного, заканчиваю.

Желаю Вам ещё раз здоровья и счастья.

Любите и будьте любимы!

Ваш доктор Шаевич